

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 82.09
doi: 10.17223/19986645/92/8

Итальянский неоавангард в советской филологии: к постановке проблемы

Анастасия Викторовна Голубцова¹

¹ *Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия,
ana1294@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется рецепция итальянского неоавангарда («Группы 63») в советской филологии. Рассматриваются научные монографии, затрагивающие тему неоавангарда, а также статьи в журнале «Вопросы литературы». Отдельное внимание уделяется стилистическим и смысловым различиям между книжными и журнальными публикациями, делается попытка объяснить указанные различия. Особенности и динамика развития советского академического дискурса о неоавангарде рассматриваются в сопоставлении с критико-публицистическим дискурсом (статьями в журналах «Новый мир» и «Иностранная литература» на соответствующую тематику).

Ключевые слова: итальянский неоавангард, «Группа 63», рецепция, «Вопросы литературы», «Новый мир», «Иностранная литература», монографии, научный дискурс, публицистический дискурс

Благодарности: исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00764 «Западный неоавангард 1950–1970-х гг. в советской науке и критике», <https://rscf.ru/project/23-28-00764/>

Для цитирования: Голубцова А.В. Итальянский неоавангард в советской филологии: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 159–173. doi: 10.17223/19986645/92/8

Original article
doi: 10.17223/19986645/92/8

Italian neo-avant-garde in Soviet philology: An approach to the problem

Anastasia V. Golubtsova¹

¹ *Maxim Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, ana1294@yandex.ru*

Abstract. The article studies the reception of Italian neo-avant-garde (Group 63) in Soviet philology. Italian neo-avant-garde was an experimental movement born in mid-1950s around Luciano Anceschi's literary magazine *Il Verri* (since 1956). In 1963 neo-avant-garde poets, writers and critics formed a literary group called Group 63.

The group dissolved in 1969 as a result of ideological disputes regarding the political protests of 1968–1969, thus marking the official end of Italian neo-avant-garde. The article analyzes Soviet academic monographs dealing with Italian neo-avant-garde (*Neo-Avant-Garde Currents in Foreign Literature of the 1950s–1960s*, Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, 1972; *The Ways of the Novel*, Moscow, Progress, 1975; Z.M. Potapova, *Italian Novel Today*, Moscow, Nauka, 1977) and articles in the *Voprosy Literatury* journal published by the Union of Soviet Writers and the Maxim Gorky Institute of World Literature. The study aims to determine specific features of Soviet academic discourse about neo-avant-garde and to study the evolution of that discourse in time, in relation to the historical and cultural context. In order to achieve the aim, I analyze how the Soviet reception of neo-avant-garde was shaped, study the opinions on Western neo-avant-garde and other experimental movements expressed by the main figures of Soviet politics and culture, describe how experimental arts and literature were fiercely attacked by the official press, and determine the role of those critical and even derogatory commentaries in Soviet culture of the Cold War period, with its political and ideological conflicts. To better understand the features of Soviet academic discourse on Italian neo-avant-garde, I: (1) compare the mentioned monographs and academic articles with pieces of literary criticism published in non-academic literary magazines, such as *Novy Mir* and *Inostrannaya Literatura*; (2) make a comparison between the two genres of Soviet academic discourse on Italian neo-avant-garde (parts of monographs, on one hand, and articles in *Voprosy Literatury*, on the other hand). As a result of this comparative analysis, I: (1) point out such specific features of Soviet academic writings on Italian neo-avant-garde as terminological vagueness (such philological terms as "avant-garde", "modernism", "decadence", etc. are used as ideological clichés, derogatory terms devoid of exact meaning) and stylistic similarity between academic and journalistic discourse (both types of discourse on neo-avant-garde are almost equally ideologically and emotionally charged); (2) find a number of differences in style and content occurring between the articles in monographs and in *Voprosy Literatury*, the latter being written in a considerably more moderate and balanced manner, without ideological excesses and aggressive rhetoric. Trying to explain those discrepancies, I put forward two hypotheses: (1) *Voprosy Literatury*, being an academic journal, unlike *Novy Mir* or *Inostrannaya Literatura*, endorsed a more moderate and unbiased way of treating even ideologically sensitive subjects, such as literary neo-avant-garde; (2) the second, seemingly paradoxical finding (a considerable stylistic difference between the two genres of academic discourse on neo-avant-garde) may actually be of a temporal, not a genre nature: the mentioned monographs were published in the 1970s, several years after the articles in *Voprosy Literatury*, but as the process of writing and publishing a book takes much longer than that of an article, those monographs, in comparison to articles, actually reflect an earlier, less "liberal" and more ideologically charged period of the Soviet reception of Italian neo-avant-garde. Still, I note that my conclusions are preliminary ones, and the subject deserves a further, more profound research.

Keywords: Italian neo-avant-garde, Group 63, reception, *Voprosy Literatury*, *Novy Mir*, *Inostrannaya Literatura*, monographs, academic discourse, journalistic discourse

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00764, Western Neo-Avant-Garde of the 1950s–1970s in Soviet Literary Studies and Criticism, and carried out at the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Golubtsova, A.V. (2024) Italian neo-avant-garde in Soviet philology: An approach to the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 159–173. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/8

1 декабря 1962 г. Н.С. Хрущев посетил выставку художников-авангардистов. Его резкие высказывания об авангардном искусстве положили начало кампании против «формализма», начавшейся с критики абстракционизма в живописи, но вскоре распространившейся и на другие виды художественного творчества, в том числе и на литературу. На протяжении 1962–1963 гг. прозвучал целый ряд официальных антиформалистских выступлений: речь секретаря ЦК КПСС Л.Ф. Ильичёва на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 17 декабря 1962 г., речь Н.С. Хрущёва на аналогичной встрече 7–8 марта 1963 г., речи первого секретаря правления Союза писателей К.А. Федина на IV пленуме правления Союза писателей СССР 26–30 марта 1963 г. и на пленуме ЦК КПСС 18–23 июня 1963 г. Каждое подобное высказывание со стороны представителей власти порождало ряд откликов в писательской среде, причем едва ли не единственным авторитетным литератором начала 1960-х гг., высказывавшимся (впрочем, крайне осторожно) в защиту экспериментального искусства, оказался Илья Эренбург¹, чей примирительный пафос не встретил понимания среди коллег по перу².

В ситуации «холодной войны» любые художественные явления, не укладывавшиеся в узкие рамки соцреализма, воспринимались в первую очередь как факты международной политики и значимый элемент идеологической борьбы. Авангардистские тенденции в советской культуре по большей части игнорировались официальной прессой или характеризовались как маргинальные явления, случайные отклонения от магистрального соцреалистического метода. Западное же экспериментальное искусство постепенно прокладывало себе путь за «железный занавес» – но долгое время лишь в качестве доказательства кризисного состояния капиталистического общества. Эти тенденции наиболее ярко отразились в литературной критике (прежде всего в журналах «Новый мир» и «Иностранная литература», в меньшей степени – в «Литературной газете»). Однако филология – академические монографии и научные статьи – также испытывала на себе мощное влияние идеологии и в значительной степени разделяла характерные особенности советской публицистики: предвзятое отношение к предмету исследования и (что особенно интересно применительно к научному дискурсу) терминологическую неопределенность, позволявшую произвольно смешивать и помещать в одну категорию разнородные явления или же, напротив, выделять в составе целостного литературного феномена (например, группы, течения или школы) отдельные явления или фигуры, по тем или иным причинам требующие особого подхода и оценки.

Уже в первых советских политических выступлениях, затрагивавших тему авангарда и художественного эксперимента, в частности в речах Л.Ф. Ильичёва, для обозначения любых экспериментальных тенденций в

---

¹ См., например, его речь на ленинградской сессии Европейского сообщества писателей в августе 1963 г. [1].

² См., например, [2].

искусстве применялся термин «формализм», а в качестве синонимичных ему использовались обобщающие термины «абстракционизм», «модернизм» и «декаданс». В дальнейшем слово «формализм» практически вышло из обихода, зато такие понятия, как декаданс, модернизм и авангард/авангардизм, стали широко употребляться как взаимозаменяемые ярлыки для любых художественных феноменов, выходящих за рамки «реализма» (в догматическом понимании, свойственном советской критике), в одном ряду нередко оказывались и футуризм, и экспрессионизм, и сюрреализм, и опыты Джойса, Кафки, Элиота и Паунда, и авангард 1950–1970-х гг., сегодня обычно именуемый неоавангардом. Подобная терминологическая путаница, объяснимая в критике и публицистике, была характерна и для научных работ, например статей в академическом журнале «Вопросы литературы»¹. Так, Ю. Боров объединял термином «модернизм» таких различных авторов, как Кафка, Ионеско и Камю [4], а С. Великовский включал в понятие «модернизм» столь разнородные понятия, как сюрреализм, экзистенциалистская проза и школа «нового романа» [5]. Таким образом, советское литературоведение с самого начала отказывалось признавать специфичность такого актуального художественного явления, как неоавангард, который в современной науке четко отделяется от исторического авангарда и модернизма. Этому в значительной степени способствовали особенности самого феномена – хронологическая неопределенность (периодом расцвета неоавангарда считаются 1950–1970-е гг., однако неоавангардные направления в литературе развиваются и после этого периода, вплоть до настоящего времени²), и разнородность явлений, традиционно включаемых в поле неоавангардной литературы.

Указанные особенности советской филологической школы отразились на рецепции всех зарубежных неоавангардных течений («нового романа», конкретной поэзии и др.), не стал исключением и итальянский неоавангард, зародившийся в середине 1950-х гг. в кругах литературного журнала «Верри» (Il Verri, с 1956 г.) и институционально оформившийся в виде так называемой «Группы 63» (Gruppo 63, 1963–1969 гг.). Сегодня он не пользуется широкой известностью в русскоязычной культурной среде, однако в 1960-е гг., в период своего расцвета, вызывал живой интерес у советских итальянистов – как критиков, так и филологов. С момента образования «Группы 63» в советской прессе (главным образом, в журналах «Иностранная литература» и «Новый мир») стали появляться материалы об итальянском неоавангарде – в том числе и весьма объемные и информативные, хотя

---

¹ О том, что подход к терминологии в целом не изменился и к концу 1980-х гг., свидетельствует, например, выступление искусствоведа и философа Е.В. Барабанова на семинаре «Новые языки в искусстве» (1–5 февраля 1988 г., МГУ) [3].

² Достаточно вспомнить англоязычный поэтический неоавангард (конкретная поэзия, «языковое письмо») или опыты советских и постсоветских неоавангардных поэтов. Подробнее об этом, в том числе и о контактах англо-американских и советских неоавангардистов, см. [6].

и неизбежно тенденциозные¹. Авторы статей и рецензий традиционно обвиняли итальянских неоавангардистов (равно как и всех прочих – французских, немецких и т.п.) в безыдейности, пессимизме, антигуманизме, пустом экспериментаторстве, художественной слабости и оторванности от реальной жизни с ее социальными конфликтами и борьбой. Тот же перечень критических тезисов скорее публицистического, чем научного порядка встречается и в материалах, претендующих на статус научных. Более того, всеобъемлющее влияние идеологии приводит к тому, что в советской филологии происходит почти полное слияние публицистического и научного дискурса. Ярким примером этого процесса является статья «Белая полоса в пустыне» [7] авторитетного советского итальяниста Георгия Брейтбурда – консультанта Иностранной комиссии Союза писателей СССР и одной из ключевых фигур в организации советско-итальянских культурных контактов.

Статья Брейтбурда была опубликована в книге «Неоавангардистские течения в современной литературе 1950–60 гг.» (1972) – первой советской монографии, целиком посвященной зарубежному неоавангарду. Работа, изданная в 1972 г. Институтом мировой литературы им. А.М. Горького Академии наук СССР, по всем формальным признакам носит строго научный характер, однако уже в предисловии, написанном А.Л. Дымшицем (в те годы заместитель директора ИМЛИ по науке), специфика советского подхода к неоавангарду не только не затушевывается, но, напротив, описывается как вполне естественное явление. Уже в первых строках предисловия исследователь отмечает и терминологическую неопределенность, и идеологизированность не только критической, но и филологической рецепции неоавангардной литературы, фактически выводя сам этот феномен из академического поля и заявляя о принципиальной неприменимости научного подхода к авангарду и неоавангарду: «Под авангардизмом – а в 50-е и 60-е годы под неоавангардизмом – нередко понимают, как показывает опыт, весьма различные, а порою и противоположные художественные явления и тенденции. Не случайно литературоведы и критики проводят резкую разграничительную черту между подлинным и мнимым авангардом в искусстве, справедливо считая, что авангардные позиции в социальных боях нашего времени занимает передовая, прежде всего социалистическая литература, тогда как представители многих декадентских (*sic!* – А.Г.) течений, в сущности, совершенно безосновательно претендуют на авангардную роль в современном искусстве. Таким образом, важно сразу же констатировать, что в художественном творчестве, в литературе не существует единого авангардистского

---

¹ Рецепция итальянского неоавангарда в советской критике и публицистике подробно рассмотрена в моих статьях: Голубцова А.В. Георгий Брейтбурд и советская рецепция итальянского неоавангарда // *Studia Litterarum*. 2024. Т. 9, № 1. С. 96–119. Голубцова А.В. Советская рецепция западного неоавангарда: «новый роман» и «Группа 63» в советской прессе // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2024. Вып. 2 (883). С. 133–142.

и неоавангардистского течения, что самый термин – авангардизм – не относится к числу научных дефиниций, имеющих дело со строго и точно очерченным предметом, а является условным определением» [8. С. 5].

Парадоксальным образом, выпуская научную монографию о неоавангарде, составители с самого начала отказываются от каких-либо попыток беспристрастного анализа экспериментальной литературы. Принципам, изложенным в предисловии, в полной мере соответствуют и статьи о различных неоавангардных течениях, носящие скорее публицистический, чем академический характер. Не является исключением и «Белая полоса в пустыне» Г. Брейтбурда. Первоначально статья с этим названием, посвященная критике западного искусства 1960-х гг. и лишь вскользь затрагивающая итальянский неоавангард и «Группу 63», была опубликована в «Новом мире» в 1971 г. [9], однако при подготовке монографии она была серьезно переработана – в том числе в нее почти целиком вошел более ранний текст Брейтбурда «Итальянский „новый авангард“», напечатанный в том же «Новом мире» еще в 1967 г. [10]¹. Статья «Итальянский „новый авангард“», ставшая одной из первых масштабных советских публикаций о «Группе 63», содержит немало ценной информации об истории, идеологии и художественной практике группы, однако носит чисто публицистический, даже пропагандистский характер: все излагаемые в ней факты с очевидностью ориентированы на создание негативного образа внутренне пустого, художественно несостоятельного, вторичного и провинциального течения. Статья «Белая полоса в пустыне» 1971 г. также содержит не столько анализ неоавангардных художественных явлений (помимо «Группы 63» упоминаются, среди прочего, группа «Тель кель», в сфере изобразительного искусства – «арте повера»), сколько полемику с ними и выпады в адрес «левацких» идей, проникших в литературу и искусство под влиянием студенческих протестов 1968 г. Статья в монографии «Неоавангардистские течения в зарубежной литературе 1950–60 гг.», скомпилированная из двух этих публикаций Брейтбурда, несмотря на якобы академический характер труда, сохраняет все черты исходных публицистических текстов, включая откровенную тенденциозность и политизированность, а также многочисленные неточности, упрощения и сознательные искажения фактов.

Те же особенности отличают монографию «Судьбы романа» (М. : Прогресс, 1975), посвященную полемике вокруг жанра романа, развернувшейся на Западе и в СССР в 1960–1970-е гг. Основное содержание книги составили переводы теоретических и критических статей зарубежных писателей – главным образом, выступавших в защиту традиционного реалистического романа. Однако среди «прогрессивных» литераторов соцлагеря и западных «друзей» СССР нашлось место и для неоавангардных авторов, неоднократно заявлявших о кризисе жанра и о необходимости поиска новых форм

---

¹ Позже, в 1978 г., в изданном посмертно сборнике статей Г. Брейтбурда «На стороне разума: о современной итальянской литературе» [11] два текста будут вновь опубликованы по отдельности.

романного повествования. Доля подобных высказываний в книге отнюдь не в полной мере отражает роль неоавангарда в данной полемике, учитывая, что именно авторы и течения, обычно причисляемые к неоавангардным, в 1950–1960-е гг. придали проблеме романа (и связанным с нею более широким проблемам соотношения традиции и новаторства, искусства и реальности) ту актуальность и остроту, которые в конечном счете обусловили и появление советской монографии. И все же можно заключить, что составители сборника стремились (насколько это было возможно в культурной ситуации 1970-х гг.) дать своей аудитории некое представление об «альтернативных» подходах к проблеме романа, существовавших в зарубежном литературоведении тех лет. Среди неоавангардных авторов, чьи взгляды (пусть и в очень ограниченном масштабе) изложены в книге, – представители «нового романа», к тому времени уже известные советскому читателю по публикациям в «Новом мире» и «Иностранной литературе»: Н. Саррот и М. Бютор¹. Позиция не столь «любимого» советской критикой А. Роб-Грийе представлена опосредованно, в виде гневного памфлета, адресованного французскому «неороманисту» критиком П. де Буадеффром [15]. Более подробно воззрения школы «нового романа» описаны во вступительной статье Е.Ф. Трущенко [16], где, например, приводятся цитаты из книги Роб-Грийе «За новый роман» (*Pour un Nouveau Roman*, 1963)², однако обилие антимодернистской риторики³ не позволяет говорить о какой-либо академической объективности и приближает стиль этой научной работы к публицистическому.

Упоминание в сборнике представителей школы «нового романа», которая из всех неоавангардных течений привлекала наиболее пристальное внимание советской критики, не вызывает удивления. Гораздо более интересно обращение к не столь очевидному итальянскому контексту, а именно изложение дискуссии о судьбах современного романа в редакции газеты «Паэзе сера» (*Paese sera*, 1949–2019), в которой приняли участие наиболее популярные итальянские литераторы тех лет: А. Моравиа, П.П. Пазолини, Ф. Леонетти, А. Арбазино и Э. Сангвинети. Беседа состоялась в марте 1965 г., в

---

¹ Выбор имен не случаен: если на протяжении 1950-х – первой половины 1960-х гг. «новый роман» в советской прессе подвергался той же огульной критике, что и все прочие «декадентские» течения, то со второй половины 1960-х гг. начинают появляться публикации если не комплиментарные, то по крайней мере усматривающие в некоторых экспериментальных произведениях специфический реализм, далекий от «традиционного» мимесиса, но все же сохраняющий связь с социальной реальностью (в качестве примеров см., в частности: [12–14]).

² Показательно, что ни одна из статей этого программно-сборника не вошла в монографию.

³ Распространение «губительных идейных и эстетических концепций», «модернистское разрушение реалистических художественных основ» [16. С. 4], трактовка экспериментальных художественных поисков как симптома «духовного кризиса в буржуазном мире и его литературе» [16. С. 11] – те же аргументы против «модернизма» и «авангарда» звучали в советской критике на протяжении 1950-х и 1960-х гг., задолго до первых попыток научного осмысления этих феноменов.

самый разгар бурной полемики вокруг романного жанра, развернувшейся в Италии в кругах «Группы 63» (в сентябре того же года в Палермо состоялся очередной съезд группы, специально посвященный проблемам экспериментального романа; в 1966 г. по итогам съезда был издан сборник, включавший записи выступлений участников и теоретические работы [17]). Перечень участников отражал весь спектр взглядов на проблему романа и литературных экспериментов: Моравиа выступал как «лицо» реалистической прозы и литературного мейнстрима, Пазолини и Леонетти представляли направление «неоэкспериментализма» (*neosperimentalismo*), ориентированное на обновление художественных форм в лоне литературной традиции, Арбазино и Сангвинети, активные участники «Группы 63», придерживались наиболее радикальной позиции, выступая против «традиционной» реалистической литературы¹.

Эта публикация встраивается в общий контекст советской рецепции итальянского неоавангарда: хотя все участники дискуссии так или иначе признают кризис традиционного романа, во вступительной статье, по укоренившейся традиции, наиболее суровой оценке подвергается представитель неоавангардной «Группы 63» Э. Сангвинети, в чьих словах автор статьи видит «вульгаризацию», «вторжение» в споры о романе «"гошистских", левоанархистских взглядов маоистского толка» [16. С. 18] – эхо протестов 1968–1969 гг., негативно оценивавшихся советской прессой. Возможно, такое внимание к идеологической стороне высказываний Сангвинети вызвано именно тем, что писатель, как и многие участники «Группы 63», был марксистом и членом Итальянской компартии, потому его политические «заблуждения» воспринимались советской стороной особенно болезненно. «Гошистской» вульгаризации Сангвинети противопоставляется позиция А. Моравиа – в тот период, пожалуй, наиболее авторитетного и «прогрессивного», по мнению советской критики, итальянского автора, ключевого представителя итальянской реалистической литературы и «друга» СССР. Моравиа в своих репликах связывает кризис романа с кризисом капиталистического общества и сознания «буржуазного» писателя, что встречает одобрение у автора вступительной статьи. При этом составители сборника обходят вниманием замечание итальянского писателя о том, что современные экспериментальные романы – это недостаточные, но необходимые «опыты, имеющие целью изменить выразительные средства, а значит, и действительность», плоды естественного стремления писателя «испытать собственные средства, чтобы убедиться в их эффективности» [19. С. 53]. Особого внимания заслуживает комментарий к термину «авангард», который, по мнению составителей, используется участниками дискуссии неверно – в значении, «внедряемом буржуазными идеологами» «в противоположность подлинному историко-революционному и художественному авангарду» [20. С. 352]: данный комментарий являет собой яркий пример сознательного

---

¹ Здесь мы не будем останавливаться подробно на содержании беседы и позициях сторон. Анализ дискуссии и итальянский оригинал текста см. в публикации [18].

отказа от строго научного использования литературоведческой терминологии в пользу размытых, идеологически окрашенных понятий, открывающих широкий простор для политических манипуляций.

Спустя два года после сборника «Судьбы романа» в издательстве «Наука» под грифом ИМЛИ им. А.М. Горького выходит монография филолога-итальяниста З.М. Потаповой «Итальянский роман сегодня». Книга посвящена прозе 1970-х гг., однако довольно подробно очерчивает и контекст 1960-х гг. Говоря о преобладании в итальянской литературе тех лет «реалистического» метода (что является по меньшей мере сильным упрощением действительной ситуации), автор все же не может обойти вниманием эксперименты «Группы 63», однако, в традиционной парадигме советского литературоведения, утверждает, что неоавангардисты «так и не сумели создать сколь-нибудь интересных новаторских произведений» [21. С. 24], и полемизирует с авторитетным в те годы критиком и теоретиком В. Педулла, который в своей работе «Литература благосостояния» (*Letteratura del benessere*, 1968), выступая против западного капитализма, положительно высказывался об «антикапиталистическом» пафосе итальянского неоавангарда¹.

Если в 1960-х гг. советские итальянисты, писавшие о неоавангарде, работали главным образом с поэтическим материалом², то в 1970-х гг. бурную реакцию вызвало появление романа «Мы хотим всё» (*Vogliamo tutto*, 1971), написанного «по следам» протестов 1968–1969 гг. бывшим участником «Группы 63» (распавшейся в 1969 г.), политическим активистом и одним из «отцов» итальянской визуальной и электронной поэзии Н. Балестрини. С самого начала выпады в адрес книги и ее автора были связаны не столько с экспериментальной формой романа, сколько с его идейным наполнением: советские критики упрекали Балестрини в сочувствии к рабочим и студенческим выступлениям конца 1960-х гг., которые, как мы уже отмечали, осуждались советской стороной за их «левацкий» и «маоистский» характер. В подходах к анализу текста научный труд Потаповой мало чем отличается от откликов, появлявшихся в советской критике³. Не позволяя себе откровенно уничижительных оборотов, исследовательница все же критикует роман не столько с художественной, сколько с политической точки зрения. За-

---

¹ Такой подход прямо противоречил общепринятой точке зрения советской критики, считавшей «Группу 63» порождением и инструментом капиталистической системы.

² Этот факт, вероятно, объясняется прежде всего тем, что итальянский неоавангард зародился в середине 1950-х гг. именно как поэтическое течение, а первые опыты в жанре экспериментального романа появились лишь в 1963–1964 гг. и не успели стать предметом серьезного теоретического осмысления в советском культурном поле.

³ См., например, соответствующие публикации в «Иностранной литературе» – новостную заметку о выходе романа [22] или рецензию Г. Брейтбурда [23], которая отличается особенно пренебрежительной интонацией («...мода сменилась <...> и вот с самим Балестрини произошло удивительное перевоплощение. Он стал “революционером”, и не просто революционером, а сторонником крайней левацко-экстремистской группы» [23. С. 268] – вот лишь один из его многочисленных саркастических пассажей).

мечания, касающиеся языка и повествовательных техник («почти натуралистическая документальность»), которая «подкрепляется стилевым приемом – рассказом от лица героя, который пересыпает свои яростные филиппики против хозяев и коммунистов грубыми ругательствами и лозунгами» [21. С. 26]), немногочисленны и столь же идеологически окрашены, как и критика «примитивных анархистских взглядов» [21. С. 24] и личностных качеств героя и самого автора романа, который, изображая типичного рабочего-революционера 1968–1969 гг., по мнению Потаповой, занимается «моральной дискредитацией революционного процесса в Италии» [21. С. 26]. Впрочем, исследователь использует тот же подход и к «реалистическим» романам, меняется лишь полярность идеологических оценок: филологический анализ произведений подменяется описанием политического контекста, а содержание литературного процесса сводится к противостоянию «прогрессивного» реализма и отдельных «реакционных» (экспериментальных) тенденций. 1960-е гг. с их бурной и плодотворной полемикой вокруг взаимоотношений авангарда и традиции характеризуются как эпоха «литературного безвременья», когда реалистическая проза подвергалась «непрерывным наскокам со стороны экзистенциалистов и неоавангардистов» [21. С. 179], а последующее десятилетие – как период выхода из кризиса, когда «все сколько-нибудь значительные современные итальянские писатели¹ отвергли авангардистские принципы видения мира и лингвистического экспериментаторства как способ обновления литературы»² [21. С. 179].

Интересно, что совершенно иной характер носит большая часть материалов об итальянском неоавангарде в научной периодике, а именно в журнале «Вопросы литературы», тогда издававшемся под эгидой Союза писателей СССР и ИМЛИ им. А.М. Горького. Несмотря на то, что журнал с самого начала задумывался как издание, соединяющее в себе литературоведение и литературную критику [24] и четко отделить научные тексты от критических в нем зачастую не представляется возможным, статьи в «Вопросах литературы», касающиеся «Группы 63», по большей части написаны в неожиданном спокойном и объективном тоне. Этим они отличаются не только от

---

¹ В данном случае оценка значимости тех или иных авторов далека от научной объективности, поскольку вывод о роли и месте писателя в итальянской литературе делается на основании его принадлежности к числу реалистов (или хотя бы принципиальной возможности причислить его к таковым). Терминологическая неопределенность советской филологической науки, о которой говорилось выше, позволяет, например, не проблематизировать саму категорию реализма, безусловно отнести к реалистическим авторам И. Кальвино с его аллегорическими и фантастическими произведениями, и вычеркнуть из этого ряда упомянутого Н. Балестрини с его документальным романом.

² Такой вывод чрезмерно упрощает реальную ситуацию, поскольку и после распада «Группы 63» ее бывшие участники продолжали создавать экспериментальные тексты в русле неоавангардной поэтики. Более того, многие повествовательные техники и мотивы, разработанные или заново актуализированные неоавангардом, были усвоены итальянской культурой и в 1970–1980-е гг. прочно вошли в арсенал литературы постмодернизма.

критических статей в «Иностранной литературе» и «Новом мире», но и от упоминавшихся выше монографий, которые, несмотря на свою академическую направленность, по степени идеологизированности и эмоциональной оценочности сближаются с публицистикой.

Упомянутая выше статья Брейтбурда «Итальянский “новый авангард”» («Новый мир», 1967), вызвавшая широкую международную дискуссию, как ни одна из предыдущих публикаций послужила актуализации темы итальянского неоавангарда в советской культуре: на протяжении следующего, 1968 г. в «Вопросах литературы» появляется целый ряд научных публикаций и рецензий, пусть и не посвященных целиком «Группе 63», но уделяющих ей значительное внимание. В № 6 выходит обзорная статья И.Н. Голенищева-Кутузова об итальянской поэзии XX в., часть которой посвящена неоавангарду. Некоторая ироничность тона компенсируется вдумчивостью и вниманием к теоретическим дискуссиям «Группы 63»: обширные цитаты из статей и эссе участников группы используются не как повод для нападок, а как способ лучше разобраться в неоавангардистском восприятии традиции, современной реальности, места интеллектуала в капиталистическом обществе. Бросается в глаза и переоценка ряда «обвинений», которые бросали в адрес «Группы 63» авторы более ранних публицистических статей: так, декларативный разрыв с традицией и связь с культурной индустрией из темы для ядовитых выпадов превращаются в доказательство «трагического положения думающего прогрессивного писателя на Западе, так или иначе зависимого от крупного капитала» [25]. Статья Брейтбурда «Для кого мы пишем?» в следующем номере «Вопросов литературы» – обзор дискуссии о литературе и массовом обществе, развернувшейся в коммунистическом журнале «Ринашита» (*Rinascita*, 1944–1991) с участием в том числе и представителей «Группы 63», – также заметно отличается от его собственных критических публикаций в «Новом мире» и «Иностранной литературе», как предыдущих, так и последующих. Несмотря на откровенную неприязнь к авангардному искусству (по всей видимости, связанную не только с идеологическими соображениями, но и с личными эстетическими пристрастиями), в «Вопросах литературы» Брейтбурд внимательно и доброжелательно излагает позиции неоавангардистов Э. Пальярани и Э. Сангвинети, а едкая антиавангардная ирония его публицистики сменяется осторожными, почти деликатными риторическими вопросами: «Но нет ли у некоторых из участников дискуссии несколько преувеличенного представления о всевластии буржуазной “культурной индустрии”, не преуменьшают ли они порой возможности активного воздействия со стороны борющихся художников, не преуменьшают ли они собственных возможностей общения с читателем не только буржуазным?» [26]. В конце 1968 г. Е. Амбарцумов в рецензии на сборник статей итальянистки Ц. Кин «Миф, реальность, литература» [27], содержащий, среди прочего, традиционную для советской публицистики критику неоавангарда, справедливо отмечает однобокость ее взгляда: «...при чтении книги возникает впечатление, что этой школе начисто чуждо ощущение *impregno*. Однако это упрощение <...> ”неоавангард” не столько

отбрасывает *imprego*, сколько переосмысливает его, благодаря чему это понятие может наполниться (или дополниться) новым содержанием» [28].

Спокойная и почти доброжелательная интонация этих статей в «Вопросах литературы» – особенно по сравнению с материалами, публиковавшимися в тот же период в других изданиях, – может объясняться преимущественно научным характером журнала: в пользу этого свидетельствует, в частности, неожиданно сдержанный тон публикации Брейтбурда, который в других журналах, как до, так и после, позволял себе значительно более резкие высказывания в адрес итальянских неоавангардистов (достаточно вспомнить уже упоминавшиеся статьи в «Новом мире» 1967 и 1971 гг.). Однако свою роль, вероятно, сыграл и другой фактор: статьи о «Группе 63» в «Иностранной литературе» и, особенно, в «Новом мире», выходявшие с 1964 г., самым фактом своего появления служили постепенной легитимации итальянского неоавангарда, что в итоге сделало возможным его взвешенное обсуждение. Несколькими годами ранее тот же путь в советской рецепции прошла другая неоавангардная школа – французский «новый роман»: после серии резко критических публикаций начала 1960-х гг., со второй половины десятилетия тексты «неороманистов» начинают активно переводиться, сначала в качестве «иллюстраций» к кризисному состоянию западной культуры, затем – с вполне доброжелательными рецензиями, авторы которых начинают усматривать в текстах «нового романа» элементы специфического реализма и социальной ангажированности¹.

Та же динамика обнаруживается и в советской рецепции «Группы 63», с той лишь разницей, что итальянская неоавангардная группировка, в отличие от французской, распалась в конце 1960-х гг., не успев до конца пройти путь «легитимации» в советской прессе. Череда доброжелательных публикаций в «Вопросах литературы», вероятно, свидетельствует именно о подобном рецептивном сдвиге: не случайно с 1968 г. итальянские неоавангардисты начинают упоминаться и в советской критике значительно чаще, чем прежде, – и не всегда в негативном ключе². Однако этот переворот в восприятии «Группы 63», хорошо заметный в научной периодике, практически не ощущался в книжных изданиях академической направленности, несмотря на то, что упоминавшиеся нами монографии были изданы относительно поздно, в 1970-х гг., через несколько лет после распада «Группы 63» (что,

---

¹ Подробнее об этом см. мою статью: Голубцова А.В. Советская рецепция западного неоавангарда: «новый роман» и «Группа 63» в советской прессе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 133–142.

² Так, в новостной заметке 1968 г. члены «Группы 63» Э. Сангвинети и У. Эко оказываются в числе «виднейших» деятелей культуры, подписавших призыв к итальянской интеллигенции голосовать за коммунистов на выборах в парламент [29], а в 1970 г. в «Иностранной литературе» публикуется доброжелательная рецензия на антологию итальянской лирики XX в. (М.: Прогресс, 1968), где наряду со стандартной критикой «Группы 63» звучит похвала в адрес отдельных ее участников, не желающих более «заканчиваться в экспериментах чистой формы» [30. С. 264].

казалось бы, должно было снизить остроту полемики и создать благоприятные условия для взвешенной научной дискуссии). Причины такого расхождения между научной периодикой и академическими монографиями заслуживают отдельного исследования. На данном этапе можно предположить, что главной причиной стала большая «инерционность» книгоиздания по сравнению с периодической печатью: если научная пресса могла достаточно гибко реагировать на идеологические сдвиги в отношении неовангардных течений, то монографии, требующие продолжительной подготовки, отражали состояние более ранних этапов рецепции, предполагавших высокую степень идеологизованности и использование жесткой риторики, приближающей дискурс советской гуманитарной науки к критике и публицистике.

Список источников

1. *Эренбург И.* Отстаивать человеческие ценности // Литературная газета. 1963. № 97. 13 августа.
2. *Сучков Б.* Реальность и роман // Литературная газета. 1963. № 105. 31 августа.
3. *Барabanов Е.В.* Модернизм, авангардизм и постмодернизм // Митин журнал. 1988. № 20. URL: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj20/barabanov.shtml>
4. *Борев Ю.* Модернизм, человек, разум // Вопросы литературы. 1963. № 3. С. 64–77.
5. *Великовский С.* Приглашение поразмыслить: (К проблеме «отчуждения») // Вопросы литературы. 1965. № 9. С. 166–189.
6. *Кулагин А.С.* Англоязычный и советский неовангард: литературные контакты и взаимная рецепция // Литература двух Америк. 2024. № 17. С. 292–317. doi: 10.22455/2541-7894-2024-17-292-317
7. *Брейтбурд Г.С.* Белая полоса в пустыне // Неовангардистские течения в зарубежной литературе 1950–60 гг. М., 1972. С. 239–291.
8. *Дымищ А.* К изучению неовангардистских течений в зарубежной литературе 50–60-х гг. // Неовангардистские течения в зарубежной литературе 1950–60 гг. М.: Художественная литература, 1972. С. 5–32.
9. *Брейтбурд Г.С.* Белая полоса в пустыне // Новый мир. 1971. № 2. С. 159–177.
10. *Брейтбурд Г.С.* Итальянский «новый авангард» // Новый мир. 1967. № 3. С. 220–236.
11. *Брейтбурд Г.С.* На стороне разума: о современной итальянской литературе. М.: Сов. писатель, 1978.
12. *Сторонники и противники* // Иностранная литература. 1967. № 4. С. 254–257.
13. *Лакиин В.* Физиология успеха // Новый мир. 1968. № 4. С. 169–173.
14. *Мотылева Т.* Что же изменилось? // Иностранная литература. 1970. № 9. С. 100–102.
15. *Плесень* в литературе: Из открытого письма Пьера де Буадеффра Алену Роб-Грийе // Судьбы романа / сост. Е.Ф. Трущенко. М., 1975. С. 106–112.
16. *Трущенко Е.Ф.* Современность и судьбы романа // Судьбы романа. М., 1975. С. 3–26.
17. *Gruppo 63.* Il romanzo sperimentale. Milano: Feltrinelli, 1966.
18. *Bertoni C.* (ed.). «Non è in crisi il romanzo borghese»: una polemica degli anni sessanta // Between. Schermi. Rappresentazioni, immagini, transmedialità. 2018. Vol. VIII, № 18. URL: <https://ojs.unica.it/index.php/between/article/download/3491/3081/>
19. *Отходная* роману? // Судьбы романа. М., 1975. С. 40–62.
20. *Комментарии* // Судьбы романа. М., 1975. С. 351–358.
21. *Потапова З.М.* Итальянский роман сегодня. М.: Наука, 1977. 190 с.
22. *«Мы хотим всё»* // Иностранная литература. 1972. № 2. С. 281–282.
23. *Брейтбурд Г.* Провалившееся перевоплощение // Иностранная литература. 1973. № 1. С. 268–270.

24. *От редакции* // Вопросы литературы. 1957. № 1. С. 3–4.
25. *Голенищев-Кутузов И.Н.* От сумеречников к неоавангардистам (Итальянская поэзия XX века) // Вопросы литературы. 1968. № 6. С. 82–109. URL: <https://voplit.ru/article/ot-sumerechnikov-k-neoavangardistam-italyanskaya-poeziya-xx-veka/>
26. *Брейтбурд Г.* «Для кого мы пишем?» // Вопросы литературы. 1968. № 7. С. 153–160. URL: <https://voplit.ru/article/dlya-kogo-my-pishem/>
27. *Кин Ц.* Миф, реальность, литература: Итальянские заметки. М. : Сов. писатель, 1968. 336 с.
28. *Амбарцумов Е.* Италия: политика сквозь призму литературы // Вопросы литературы. 1968. № 12. С. 186–192. URL: <https://voplit.ru/article/italiya-politika-skvoz-prizmu-literatury/>
29. *Призывы* деятелей культуры // Иностранная литература. 1968. № 8. С. 279–280.
30. *Левик В.* Поэты современной Италии // Иностранная литература. 1970. № 2. С. 262–264.

References

1. Erenburg, I. (1963) *Otstaiivat' chelovecheskie tsennosti* [To defend human values]. *Literaturnaya gazeta*. 13 August. 97.
2. Suchkov, B. (1963) *Real'nost' i roman* [Reality and the novel]. *Literaturnaya gazeta*. 31 August. 105.
3. Barabanov, E.V. (1988) *Modernizm, avangardizm i postmodernizm* [Modernism, Avantgarde, and Postmodernism]. *Mitin zhurnal*. 20. [Online] Available from: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj20/barabanov.shtml>.
4. Borev, Yu (1963) *Modernizm, chelovek, razum* [Modernism, man, reason]. *Voprosy literatury*. 3. pp. 64–77.
5. Velikovskiy, S. (1965) *Priglasenie porazmyslit' (K probleme "otchuzhdeniya")* [Invitation to Reflect (On the Problem of "Alienation")]. *Voprosy literatury*. 9. pp. 166–189.
6. Kulagin, A.S. (2023) *Anglo-American and Soviet Neo-avant-garde: Literary Connections and Mutual Reception. Literatura dvukh Amerik*. 17. pp. 292–317. (In Russian). doi: 10.22455/2541-7894-2024-17-292-317
7. Breytburd, G.S. (1972) *Belaya polosa v pustyne* [White stripe in the desert]. In: Dymshits, A.L., Samarin, R.M. & El'sberg, Ya.Ye (eds) *Neoavangardistskie techeniya v zarubezhnoy literature 1950–60 gg.* [Neo-Avant-Garde Trends in Foreign Literature of the 1950–60s]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 239–291.
8. Dymshits, A. (1972) *K izucheniyu neoavangardistskikh techeniy v zarubezhnoy literature 50-60-kh gg.* [On the study of neo-avant-garde trends in foreign literature of the 1950–60s]. In: Dymshits, A.L., Samarin, R.M. & El'sberg, Ya.Ye (eds) *Neoavangardistskie techeniya v zarubezhnoy literature 1950–60 gg.* [Neo-Avant-Garde Trends in Foreign Literature of the 1950–60s]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–32.
9. Breytburd, G.S. (1971) *Belaya polosa v pustyne* [White stripe in the desert]. *Novyy mir*. 2. pp. 159–177.
10. Breytburd, G.S. (1967) *Ital'yanskiy "novyy avangard"* [Italian "new avant-garde"]. *Novyy mir*. 3. pp. 220–236.
11. Breytburd, G.S. (1978) *Na storone razuma: o sovremennoy ital'yanskoy literature* [On the Side of Reason: On contemporary Italian literature]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
12. *Inostrannaya literatura*. (1967) *Storonniki i protivniki* [Supporters and opponents]. *Inostrannaya literatura*. 4. pp. 254–257.
13. Lakshin, V. (1968) *Fiziologiya uspekha* [Physiology of Success]. *Novyy mir*. 4. pp. 169–173.
14. Motyleva, T. (1970) *Chto zhe izmenilos'?* [What has changed?]. *Inostrannaya literatura*. 9. pp. 100–102.
15. De Boisdeffre, P. (1975) *Plesen' v literature. Iz otkrytogo pis'ma P'era de Buadefra Alenu Rob-Griye* [Mold in Literature. From an Open Letter from Pierre de Boisdeffre to Alain

Robbe-Grillet]. Translated from French. In: Trushchenko, E.F. (ed.) *Sud'by romana* [The Fates of the Novel]. Moscow: Progress. pp. 106–112.

16. Trushchenko, E.F. (1975) *Sovremennost' i sud'by romana* [Modernity and the fates of the novel]. In: Trushchenko, E.F. (ed.) *Sud'by romana* [The Fates of the Novel]. Moscow: Progress. pp. 3–26.

17. Gruppo 63 (1966) *Il romanzo sperimentale*. Milano: Feltrinelli.

18. Bertoni, C. (ed.) (2018) "Non è in crisi il romanzo borghese": una polemica degli anni sessanta. *Between. Schermi. Rappresentazioni, immagini, transmedialità*. 18 (8). [Online] Available from: <https://ojs.unica.it/index.php/between/article/download/3491/3081/>.

19. Trushchenko, E.F. (ed.) (1975) *Sud'by romana* [The Fates of the Novel]. Moscow: Progress. pp. 40–62.

20. Trushchenko, E.F. (ed.) (1975) *Sud'by romana* [The Fates of the Novel]. Moscow: Progress. pp. 351–358.

21. Potapova, Z.M. (1977) *Ital'yanskiy roman segodnya* [The Italian Novel Today]. Moscow: Nauka.

22. *Inostrannaya literatura*. (1972) "My khotim vse" ["We want everything"]. *Inostrannaya literatura*. 2. pp. 281–282.

23. Breytburd, G. (1973) Provalivsheesya perevoploshchenie [The failed transformation]. *Inostrannaya literatura*. 1. pp. 268–270.

24. *Voprosy literatury* (1957) Ot redaktsii [From the editor]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 3–4.

25. Golenishchev-Kutuzov, I.N. (1968) Ot sumerechnikov k neoavangardistam (Ital'yanskaya poeziya XX veka) [From the twilight scientists to the neo-avant-gardists (Italian poetry of the 20th century)]. *Voprosy literatury*. 6. pp. 82–109. [Online] Available from: <https://voplit.ru/article/ot-sumerechnikov-k-neoavangardistam-italyanskaya-poeziya-xx-veka/>.

26. Breytburd, G. (1968) "Dlya kogo my pishem?" ["For whom are we writing?"]. *Voprosy literatury*. 7. pp. 153–160. [Online] Available from: <https://voplit.ru/article/dlya-kogo-my-pishem/>.

27. Kin, Ts.I. (1968) *Mif, real'nost', literatura: Ital'yanskiye zametki* [Myth, Reality, Literature: Italian Notes]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

28. Ambartsumov, E. (1968) Italiya: politika skvoz' prizmu literatury [Italy: Politics through the Prism of Literature]. *Voprosy literatury*. 12. pp. 186–192. [Online] Available from: <https://voplit.ru/article/italiya-politika-skvoz-prizmu-literatury/>.

29. *Inostrannaya literatura*. (1968) Prizyv deyateley kul'tury [The Call of Cultural Figures]. *Inostrannaya literatura*. 8. pp. 279–280.

30. Levik, V. (1970) Poety sovremennoy Italii [Poets of modern Italy]. *Inostrannaya literatura*. 2. pp. 262–264.

Информация об авторе:

Голубцова А.В. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва, Россия). E-mail: ana1294@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Golubtsova, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Maxim Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: ana1294@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.01.2024;
одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 18.11.2024.

The article was submitted 20.01.2024;
approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 18.11.2024.